метром (анонимно) и, наконец, нерифмованным десятисложником (Эдер), т. е. размером подлинника. Особенно большую роль в усвоении немецкой литературой творчества Юнга сыграл второй, комментированный, перевод «Ночей», также выполненный Эбертом (1760—1771).[31]

С этого перевода и был осуществлен первый полный перевод «Ночей» Юнга на русский язык, принадлежащий Алексею Михайловичу Кутузову. Пленившись глубокими мыслями «истинного стихотворца сего», во многом созвучными его собственным,[32] и убежденный в «пользе, которую всякий добросердечный человек из книг его почерпнуть может»,[33] Кутузов работал над своим переводом с большим упорством в течение нескольких лет: ранние журнальные публикации его труда относятся к 1778—1780 гг.,[34] весь перевод был напечатан лишь спустя семь лет.[35] Тщательный, снабженный обширными комментариями (отчасти заимствованными у Эберта), перевод Кутузова был несомненно самым значительным в истории русского юнгианства. Об этом свидетельствуют и его переиздания (1799, 1812), выходившие, кстати, несмотря на то что в это время существовал уже «Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г-на Йонга...» (1799).

Самое название книги было уже довольно характерно: речь шла о переводе на русский язык «аглинского» произведения, а не его французского или немецкого перевода. Кроме того, об использовании оригинала говорила также и форма имени автора — Йонг, а не традиционная, шедшая от французского, — Юнг. На это не без гордости указывал и сам переводчик, скрывавшийся под литерами С. Д. Напоминая в предисловии, что перевод 1785 г. был сделан с немецкого, он обращал внимание читателей на то, что с его стороны «всевозможное употреблено старание, чтоб везде сохранить в точности смысл, а часто слова и выраже-

---

[31] На протяжении XVIII в. в Германии был переведен едва ли не весь Юнг, в том числе и его сатиры, и его трагедии, и его трактат «Размышления о самобытном творчестве» («Conjectures on originally Composition»), оказавший огромное воздействие на развитие немецкой эстетической мысли преромантического периода. Об этом см.: J.-L. Kind. Young in Germany. New York, 1906.

[32] См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, стр. 152—155; Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 1780-х годов. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. — В сб.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, стр. 81—116.

[33] Рукописный отдел Инст. русск. литерат. (Пушкинского дома) АН СССР, арх. бр. Тургеневых, № 98, л. 10 (письмо от 5 декабря 1782 г.). См.: Труды по русской и славянской филологии, т. VI, Тарту, 1963, стр. 305.

[34] «Утренний свет», 1778, ч. IV, стр. 229—286; 1779, ч. V, стр. 161—189; ч. VI, стр. 175—271; ч. VII, стр. 1—41, 269—343; 1780, ч. VIII, стр. 99—172.

[35] Э. Юнг. Плач, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии, в девяти нощах помещенные. М., 1785.